

— XVIII —
КАК ЗЕРКАЛО ДРУГИХ ЭПОХ
— ВЕК —
— XVIII ВЕК —
В ЗЕРКАЛЕ ДРУГИХ ЭПОХ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Филологический факультет

Кафедра истории зарубежной литературы

XVIII

КАК ЗЕРКАЛО ДРУГИХ ЭПОХ

ВЕК

XVIII ВЕК

В ЗЕРКАЛЕ ДРУГИХ ЭПОХ

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЯ

2016

УДК 82.091
ББК 83.3(0)5
В 760

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук *Н. Т. Пахсарьян*
доктор филологических наук *Г. В. Якушева*
доктор филологии *Е. Иванова-Гледель*
кандидат филологических наук *В. И. Дёмин*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Б. А. Гиленсон*,
доктор филологических наук, профессор *Э. Н. Шевякова*,
доктор филологических наук, профессор *В. В. Шервашидзе*

В760 XVIII век как зеркало других эпох. XVIII век в зеркале других эпох: сб. ст. / под ред. Н. Т. Пахсарьян. – СПб.: Алетейя, 2016. – 758 с.

ISBN 978-5-906860-58-3

В сборнике опубликованы статьи участников X Международной научной конференции «XVIII век как зеркало других эпох. XVIII век в зеркале других эпох», проведенной кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова 24–26 марта 2016 г. в рамках программы Российского общества по изучению XVIII в. Авторы статей исследовали особенности рецепции мотивов, образов, сюжетов Античности, Средневековья и начала Нового времени в культуре эпохи Просвещения, а также анализировали судьбу философской, исторической, художественной традиций XVIII столетия в культуре XIX–XXI вв.

Dans ce recueil sont rassemblées les contributions des participants au Xe Colloque International, intitulé «Le XVIIIe siècle comme miroir d'autres époques; le XVIIIe siècle vu dans le miroir d'autres époques», organisé par la Département d'Histoire de la littérature étrangère de la Faculté des Lettres de l'Université d'État Lomonossov de Moscou, du 24 à 26 mars 2016, dans le cadre du programme de la Société russe d'étude du dix-huitième siècle. Les auteurs des articles ont, d'une part, étudié les particularités de la réception, dans la culture des Lumières, des motifs, des images, des sujets de l'Antiquité, du Moyen Âge et du début des Temps Modernes, et, d'autre part, analysé la destinée des traditions philosophique, historique et littéraire du XVIIIe siècle dans la culture des époques postérieures, du XIXe au XXe siècle.

УДК 82.091
ББК 83.3(0)5

ISBN 978-5-906860-58-3

9 785906 860583

© Кафедра истории зарубежной литературы
МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

Историю литературы
Григорий Саввич Печков
«Миссия» Паскаля
Александр Александрович
Творчество Гёте
и эпоху Просвещения
История Фёдора
Метафора
Фёдор Александрович
Татьяна Козлова

ОБРАЗЫ И

«Расточитель, застигнутый
от Плавта — к Реньяру
Татьяна Чеснокова (Москва)

Мифологические сюжеты
Тамара Жужгина-Аллах

Дафнис и Хлоя: фабула о
Н.М. Карамзина «Бедная
Светлана Салова (Уфа)

Античные теории именования
А.П. Сумарокова о происхождении
Юлия Сложеникина, Антон

Роль античности в творчестве
Анна Маслова (Киров)

Энтузиазм: трансформация
в английской мысли XVIII в.
Виктория Кирюшкина (С

Синтез античного и библейского
Фридриха Гёльдерлина
Галина Синило (Минск, Б

Античный миф в двойном
классицистической и романтической
Витторио Альфьери и Дж. Л. Кассано
Елена Сапрыкина (Москва)

Художественная интерпретация
и сюжетов в баснях М.Н. Мухоморова
Елена Петровна (Москва)

Рукописный учебник поэтики
традиции использования литературы
Вячеслав Поздеев (Киров)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБРАЗЫ И МОТИВЫ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

«Расточитель, застигнутый врасплох»: античный сюжет от Плавта — к Реньяру <i>Татьяна Чеснокова (Москва)</i>	13
Мифологические сюжеты и образы в элегии Андре Шенье <i>Тамара Жужгина-Аллахвердян (Днепропетровск, Украина)</i>	22
Дафнис и Хлоя: фабула о разлучённых влюблённых в повестях Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» и «Остров Борнгольм» <i>Светлана Салова (Уфа)</i>	35
Античные теории именования в зеркале XVIII в.: А.П. Сумароков о происхождении имен <i>Юлия Сложеникина, Андрей Растягаев (Самара)</i>	47
Роль античности в творческом самовыражении Е. И. Кострова <i>Анна Маслова (Киров)</i>	55
Энтузиазм: трансформация античного концепта в английской мысли XVIII века <i>Виктория Кирюшкина (Саратов)</i>	63
Синтез античного и библейского начал в поэзии Фридриха Гёльдерлина <i>Галина Синило (Минск, Белоруссия)</i>	72
Античный миф в двойном отражении итальянской классицистической и романтической трагедии. Витторио Альфьери и Дж.Б.Никколини <i>Елена Сапрыкина (Москва)</i>	94
Художественная интерпретация античных образов и сюжетов в баснях М.Н. Муравьева <i>Елена Петровна (Москва)</i>	113
Рукописный учебник поэтики М. Финицкого: традиции использования латинских и польских авторов <i>Вячеслав Поздеев (Киров)</i>	122

УДК 82.091

ББК 83.3(0)5

ной литературы
а, 2016

(СПб.), 2016

XVIII ВЕК КАК ЗЕРКАЛО ДРУГИХ ЭПОХ. Сборник статей

Образ античного философа в русском искусстве XVIII века <i>Даниил Дорофеев (Санкт-Петербург)</i>	131
Смеющийся философ античности и Просвещения <i>Светлана Герасимова (Москва)</i>	151
Классические ролевые модели поэта и их усвоение в русской лирике XVIII — начала XIX в. (Пиндар — Гораций) <i>Татьяна Алпатова (Москва)</i>	161
Элегия И.В. Гете «Амунтас» и традиция Феокрита <i>Ирина Черненко (Ростов-на-Дону)</i>	169
«Ифигения в Тавриде»: рецепция мифа и рецепция мотива (Еврипид и Гёте) <i>Тамара Теперик (Москва)</i>	179

**СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
ГЛАЗАМИ ЛЮДЕЙ XVIII ВЕКА**

Réécrire Mélusine au siècle des Lumières: de Fuzelier à La Dixmerie <i>Elena Ivanova-Glédel^a (Nantes, France)</i>	191
Средневековое видение «чужого» и его трансформация во французской литературе XVIII в. <i>Ольга Кулагина (Москва)</i>	211
Калиостро как тень Фауста: архетипическая основа образов Гете <i>Яна Галкина (Днепропетровск, Украина)</i>	220
Рецепция эпического прошлого в русской утопии XVIII века <i>Радислав Кауркин (Нижний Новгород)</i>	228
Алессандра Тоси о предромантической трактовке средневековой поэтики в русской литературе 1800-х годов <i>Наталья Тангаева (Рязань)</i>	240
Эпоха трубадуров глазами эпохи Просвещения: «Похвалы» Клеманс Изор середины XVIII века <i>Виолетта Трофимова (Санкт-Петербург)</i>	248
The Peculiarities of S.Richardson's "Pamela" Contemporaries' Perception as Succession of the Renaissance. Traditions in the Age of Enlightenment <i>Ольга Рязанцева (Москва)</i>	255

**БАРОККО И КЛАССИЦИЗМ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОТРАЖЕНИИ XVIII ВЕКА**

Французские восточные сказки от А. Галлана до Ж. Казота: «прошлое в настоящем» и «настоящее в зеркале прошлого» <i>Наталья Пахсарьян (Москва)</i>	265
---	-----

ека	131
151	
ской лирике	161
169	
179	
191	
211	
Гете	220
228	
240	
248	
Perception	
lightenment	255
265	
VIII ВЕКА	
265	

Традиция сказок Ш. Перро у Вуазенона <i>Светлана Панюта (Москва)</i>	276
«Мысли» Паскаля в трактовке Кондорсе <i>Кира Кашилявик (Нижний Новгород)</i>	283
Творчество Гольдони как зеркало мольеровского театра в эпоху Просвещения <i>Екатерина Фейгина (Москва)</i>	289
Метафора войны в «Опасных связях» Шодерло де Лакло в свете литературной традиции XVII века <i>Татьяна Кожанова (Кенесо, США)</i>	297
Между августианством и метафизикой: С. Джонсон об английской поэзии XVII века <i>Олег Поляков (Киров)</i>	304
Поиски древней Руси в русских исторических сочинениях XVIII — начала XIX века (от В.Н. Татищева до Н.М. Карамзина) <i>Анна Архангельская (Москва)</i>	315
Фонвизин и русская журналистика 1760–1770-х гг.: к вопросу о контекстах «Недоросля» <i>Александр Ивинский (Москва)</i>	323
Карамзин и Шиллер (О возможном источнике государственного идеала русского сентиментализма) <i>Александр Иваницкий (Москва)</i>	333
«Краткие замысловатые повести» на страницах «Театра судопроизводства» В.В. Новикова: европейские заимствования и формирование правовой культуры в России конца XVIII в. <i>Елена Бородина (Екатеринбург)</i>	340
Лексикографическая работа в Грузии XVIII века <i>Тамар Ломтадзе (Кутаиси, Грузия)</i>	349
«Букет слов» — первый грузинский толковый словарь грузинского писателя XVIII в. Сулхана-Саба Орбелиани <i>Манана Микадзе (Кутаиси, Грузия)</i>	352
Галантно-героический роман XVII века в романе Шарлотты Леннокс «Дон Кихот — девица» <i>Екатерина Зыкова (Москва)</i>	356
«Галантный диалог» в мемуарах кардинала де Реца и Екатерины Второй: развитие жанра <i>Татьяна Акимова (Саранск)</i>	366
Русификация басенного репертуара в творчестве А.П. Сумарокова <i>Виктория Калганова (Сочи)</i>	374

Рецепция эпического прошлого в русской утопии XVIII века

Радислав Кауркин (Нижний Новгород)©

Расцвет русской утопической мысли в XVIII в. приходится на время правления Екатерины II. Именно в ее эпоху общественно-политическая мысль России достигла таких высот, которые испугали даже революционную Францию, да и саму императрицу. Но именно Екатерина II своими сочинениями реанимировала в общественном сознании дух петровских преобразований, подтолкнула умственную инициативу просвещенного дворянства к служению отечеству на благо общества. Именно политическая воля Великой Екатерины возродила в России петровскую традицию целеполагания, которая коренным образом повлияла на русское Просвещение.

Зародившись в середине «осмнадцатого столетия», русское Просвещение за очень короткий срок стало значительным явлением не только в идейной жизни страны¹, но и всего общеевропейского Просвещения. Ряд русских утопистов XVIII в. достаточно внушителен². Но, к сожалению, недостаточно исследован.

Т.В.Артемова в работе *От славного прошлого к светлому будущему*³ очень верно отмечает, что утопические проекты являются необходимым компонентом социальной философии, составляя область умозрительных и гипотетических предположений. Их принципиальная нереализованность связана, прежде всего, с попыткой представить себе сложный общественный механизм идеально как нечто поддающееся выражению в едином акте мышления или описания. В России же утопический дискурс иногда и вовсе заменял теоретический.

Венцом русских литературных утопий эпохи Екатерининского Просвещения, на наш взгляд, были сочинения М.Д.Чулкова, В.А.Левшина и П.Ю.Львова⁴. Именно в их произведениях мы находим наиболее иде-

© Кауркин Радислав Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент НИУ ВШЭ — Нижний Новгород.

¹ Сухов А.Д. Просвещение и просвещенный абсолютизм в России (их характер и взаимодействие). // *Общественная мысль: исследования и публикации*. Вып. 1. М., 1989. С. 53.

² См., напр.: Егоров Б.Ф. *Российские утопии: исторический путеводитель*. СПб., 2007.

³ Артемова Т.В. *От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения*. СПб., 2005. С.6.

⁴ Кауркин Р.В. Образ идеального правителя в русской и европейской мысли Средних веков и начала Нового времени. // *Концепции человеческой личности в богословии и религиозном сознании Нового и Новейшего времени*. М., ИВИ РАН, 2008. С. 121–138; Он же. Образ «идеального государства» в общественно-политической мысли Екатерининского Просвещения (по материалам русских литературных утопий). // *Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): Сборник статей: Ч.2*. — М.: «Прометей» МПГУ, 2008. С. 323–338.

Р. Кауркин. Рецензия

альное общество с групповых и личностных мысли и действий хранения традиций, желательность сего общения; не красота духовная, полная и безусловная номыслие.

Одно из ярчайших произведений журнала *Славные сочинения в 1784 г.*¹ под редакцией Белева² В.А. Левшина

Уже первыми перед нами идеал тут-то истинный рвестования Нарс «кажется, что злато «ратников», «мон и простота строен цветных камней, а кровли из того онам жителей нов возвращает читат

И сей прекрас дители разделили били б себя взаим но сии груды слу предметы суетно

¹ Журнал был изда...
² Если быть точным... ствие. Сочинено в городе Белеве» (Продолжение второг (Продолжение третьег

³ Левшин В.А. Ука

⁴ Там же. С. 150–1

⁵ Там же. С. 151.

⁶ Там же. С. 157.

⁷ Там же. С. 158.

й утопии

альное общество всеобщего благоденствия: отсутствие войн, социальных, групповых и личностных конфликтов, любых форм эксплуатации; свобода мысли и действий в рамках общепринятого социумом целеполагания и сохранения традиций и устоев; целомудренность нравов; доброта и благожелательность семейных нравов; достоинство и доступность межличностного общения; нестяжание и чистота помыслов всех членов общества; красота духовная и физическая всех возрастных категорий индивидов; полная и безусловная гармония с окружающим миром; религиозное единомыслие.

Одно из ярких утопических построений было опубликовано на страницах журнала *Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и прозе некоторых российских писателей в 1784 г.¹ под названием Новейшее Путешествие. Сочинено в городе Белеве² В.А.Левшина.*

Уже первыми строчками рассказа о Луне и ее обитателях автор рисует перед нами идеалистическую картину: «Тут-то истинный престол весны; тут-то истинный род жизни... Завидное состояние!»³ - восклицает герой повествования Нарсим. Он умиляется видом трудящихся пахарей и пастухов: «кажется, что золотой век здесь господствует»⁴; его поражает отсутствие «ратников», «монахов», «молитвенных храмов»⁵ и изумляет великолепие и простота строений. «Все стены жилищ построены были из тех прозрачных цветных камней, кои составляют величайшую нашу зависть и великолепие; а кровли из того только металла, который стоил жизни нескольким миллионам жителей нового света»⁶. Далее автор, диссонансно уходя от мечтаний, возвращает читателя в суровую реальность человеческих отношений:

И сей прекрасный шар, в одно лето учинился бы пустою степью; а победители разделили бы своей добычи и при самом своем набогачении, истребили б себя взаимно. Земля и Луна заблестали бы от куч алмазов и золота, но сии груды служили б уже ночлегом совам, и скоты попрали бы ногами предметы суетности человеков⁷.

¹ Журнал был издан в Санкт-Петербурге «иждвением» императорской Академии Наук.

² Если быть точным, то в XIII части журнала Повесть озаглавлена — «Новейшее путешествие. Сочинено в городе Белеве; в XIV части — «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» (Продолжение первое); в XV части — «Новейшее путешествие Во сновидении» (Продолжение второе); в XVI части — «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» (Продолжение третье).

³ Левшин В.А. Указ.соч. Часть XIII. С. 151.

⁴ Там же. С. 150–151.

⁵ Там же. С. 151.

⁶ Там же. С.157.

⁷ Там же. С.158.

Несхожесть земных и лунных устоев прописывается В.А.Левшиным с первых же строк утопии. Обращаясь с речью к жителям Луны, землянин недоумевает:

Высокопочтеннейшее собрание... странник пролетевший тысячи верст... из страны не имевшей с вами сообщения, не может по среди вас различить, великомочного вашего монарха, остро-хитрых его вельмож. Храбрых воевод, добродетельного духовенства, мужей ученых и прочих отличающихся заслугами от простолюдинов¹.

Характеризуя лунян «премудрыми: ибо... именование сие есть приятнейшее для человек»², автор создает картину некоего идеального архаического общества. По словам Фролагия, «мужа глубоких лет увенчанного дубовым венцом», - во всей Луне «нет государей». Управляется же общество неким советом старейших, которым «право родителя дает каждому право власти над своими чадами»³.

Лунное общество достаточно жестко пресекало «разумным решением общего согласия старцев» любые попытки изменения «нарушить равенство чад от единого родителя происходящих». Все те, кто имели «в воображениях своих новые расположения правления; новые законы... некоторые степени отличия; пустяг титлы... завоевания другой половины Луны...», изгоняемы были «в мрачную страну»⁴. Сосланные туда или умирали, или с «раскаянием возвращались в отечество, проклиная безумие прежних своих желаний»⁵.

Организация лунного социума В.А.Левшиным была представлена как рационально-консервативная система, которая базировалась на постулате: «...здравый разум вразумляет... и неизвестность есть лучшее средство избавиться от развращения»⁶.

Этот принцип присущ и религиозным воззрениям жителей Луны, и нормативно-правовому регулированию общественных отношений. Почитая единого Бога, «луняне» полагались на «премудрое расположение связи всех миров, утвержденное творцом всего, к взаимной выгоде». Отсутствие развитого религиозного вероучения объясняло и отсутствие служителей культа. Все это являлось следствием доминирования в рассматриваемом обществе устремлений к сохранению существующих устоев. При этом любое нововведение воспринималось как нарушение достигнутой социальной и духовной гармонии.

¹ Там же. С.153-154.

² Там же. С.154.

³ Там же. С.159.

⁴ Там же. С.164-165.

⁵ Там же. С.165.

⁶ Левшин В.А. Указ.соч. Ч. XIV. С. 11.

Лунные абы
пым «исследова
сет в их общест
утверждали, чт

Рассуждени
сты, сколь и из
ней жители и е

а сие и доста
ко нам и всевы
выгодами. Пото
нением, кое чел
науки, кои нача
и выдумщики т
своих собратий
ими пици, счит

Не менее пр
Фролагия о «за

... закон ест
весть каждого;
И зачем писать
вания? ... Закон
что должно люб
чрез то приобре
кий другой зако
ный, и мерзкий

Создавая пр
их ангелами, пр
что «сей Златой
мени осталось у

Когда обита
лась редко... Но

¹ Левшин В.А. Ук

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 162-

⁴ Левшин В.А. Ук

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С.9.

Лунные аборигены не просто полагали бессмысленным и крайне глупым «изследовать неизвестное», но и опасались, что «любопытство» внесет в их общество элемент непредсказуемости¹. Они вполне обоснованно утверждали, что «чем больше невежды, тем больше в нас умствований»².

Рассуждения жителей «лунной планеты» о смысле бытия столь же просты, сколь и изящны в своем изложении: довольно, что есть Луна, есть на ней жители и есть избыток для всех их надобностей,

а сие и достаточная причина, вместо пустых умозаключений, быть только нам и всевышнему благодарными и пользоваться данными нам от него выгодами. Потому земледелие и скотоводство сочтено у нас одним упражнением, кое человеку представлено; ибо оно ему необходимо. Прочия же науки, кои начали было изобретать люди, не любящие трудов, отвержены; и выдумщики таковые, если б только не приняли советов трудолюбивых своих собратий, померли бы с голоду. У нас не приобретающий руками своими пищи, считается ненужною тягостию...³.

Не менее притягательными предстают перед читателем и рассуждения Фролагия о «законе естественном»:

... закон естественный довольно тверд, когда исповедывает оный совет каждого; оный начертан незагладимыми буквами в душах наших. И зачем писать то, что каждый по чувствам своим разумеет без истолкования? ... Закон очень краток, и не труден к исполнению: всяк разумеет, что должно любить Бога, яко благодетеля; а ближняго как самого себя, ибо чрез то приобретает и от него любовь к себе... Утверждено у нас, что всякий другой закон, противнаго сему толкования, есть обществу вредоносный, и мерзкий перед Богом⁴.

Создавая представителей «общества мира и тишины»⁵, автор «находил их ангелами, пред собратиею своею жителями земли»⁶. При этом замечая, что «сей Златой век» был и у земных людей и что «сие малое течение времени осталось у них в памяти»:

Когда обитатели на земли еще не размножились; тишина возмущалась редко... Но вскоре сие благоденствие пресеклось; народ умножился.

¹ Левшин В.А. Указ. соч. Ч. XIII. С.156.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 162–163.

⁴ Левшин В.А. Указ. соч. Ч. XIV. С. 5–6.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С.9.

Пространство избыточествовавшее для не многих, стало узко для многих. Началась всеобщая брань¹.

Но не демографический фактор лежал в основе «досад и горестей» земного общества. По мысли автора, война всех против всех — это естественное состояние землян. Вот как характеризовал людей Квалбоко, который совершил путешествие с Луны на Землю:

Я прошел все части населенная, видел просвещенных и диких; но различия между ими было маловажно: дикие производили то наглостию, что просвещенные совершают искусством, такими тайными подкопами, что глупые или добросердечные, не прежде познают намерение их, как упав в изрытую яму².

Вынося окончательный приговор земным устоям: социальному неравенству, моральному и духовному упадку, псевдопрогрессивным устремлениям, — герой В.А.Левшина восклицает: «...я вырвался из ада, где успех дерзостного моего предприятия наказан по достоинству»³.

Идеи В.А. Левшина были близки умонастроению другого утописта того времени — П.Ю.Львову. В своем сочинении он обратился к тому же «золотому веку», к тем же патриархальным устоям. *Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки* была издана в 1789 г. П.Ю.Львов создает картину жизни некоего «дикого» народа, обитающего на некоем острове в некоем «море-окиане», на который попадает его герой в результате кораблекрушения.

Описывая первую встречу потерпевших крушение путешественников с островитянами, автор подчеркивает различие их восприятия друг другом. Если европейцы руководствовались в своем поведении чувством страха и опасности, то аборигены — доброжелательностью и стремлением оказать помощь незнакомцам:

...лишь только мы приплыли к ним, то они нас встретили в знак дружества с многолиственной благовонными цветами украшенною лозою, приняли весьма ласково, наслали нам душистой травы для отдохновения, разложили огонь осушить наши платья, и нанесли множество кож, составляющих их одеяния, а для пищи нашей разных плодов...⁴.

За кажущейся прозаичностью данной сцены автор вскрывает рефлексорную основу разности групповой реакции на чужаков. Если европеец,

¹ Там же. С. 15–16.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 10.

⁴ *Львов П.Ю.* Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянке. Ч. II. М., 1794. С. 125–126.

неся в своем убийства инор то «непросве и воспринима

В целом о охарактеризо лось «государ

Львов с не

Владетель зать, в большо прихоти, роск рать граждан о для них новья сти, выслуши его правосудн

Автор не д ственного упр. Для него важн витян. О том, вание с некоей по тому, что го при нем сущес обнаруживаем и устремлений

окружающ преклонцы, ни любомудрые, в ны без тиранст добродетельны

Центральн ля, которая бы. половины XVII и социальных

¹ Там же. С. 127

² Там же. С. 127

³ *Кауркин Р.В.*, манской традиции № 1(9). Саранск. I ва, 2012. С. 94–96.

... стало узко для мно-
... досад и горестей» зем-
... всех — это естествен-
... ей Квалбоко, который

... и диких; но различия
... аглостью, что просве-
... опами, что глупые или
... упав в изрытую яму².
... : социальному нера-
... прогрессивным устрем-
... лся из ада, где успех
... ву»³.
... ю другого утописта
... обратился к тому же
... *Российская Памела*,
... ыла издана в 1789 г.
... народа, обитающего
... и попадает его герой

... е путешественников
... риятия друг другом.
... ии чувством страха
... и стремлением ока-

... третили в знак дру-
... украшенную лозою.
... для отдохновения,
... жество кож, состав-
... 4.
... вскрывает рефлекс-
... ков. Если европеец,

... неся в своем «цивилизованном сознании» многовековой военной опыт
убийства инородцев, изначально видит во всем угрозу собственной жизни,
то «непросвещенные островитяне», не знавшие войн, доброжелательны
и воспринимают пришельцев как подарок судьбы.

В целом общественное устройство «Царства благоденствия» можно
охарактеризовать как патриархальное, несмотря на то, что оно управля-
лось «государем» посредством чиновничьего аппарата.

Львов с нескрываемым восторгом повествует:

Владелец их не для того жил в общественных чертогах, или лучше ска-
зать, в большом строении, чтобы ему в нем расширять свои неизмеримыя
прихоти, роскошь, праздное многослужение: нет, а для того что бы соби-
рать граждан своих для беседования с ними о пользах их, открывать благия
для них новыя свои намерения, внимать их чистосердечию и справедливо-
сти, выслушивать жалобы и оправдания каждого всенародно, что делало
его правосудным а народ совестливым...¹.

Автор не детализирует в своем произведении всей структуры государ-
ственного управления и государственной жизни «Царства благоденствия». Для него важнее высветить морально-нравственные основы жития остро-
витян. О том, что Львов описывает все же некое государственное образо-
вание с некоей монархической формой правления, мы можем судить лишь
по тому, что государь был высшим и единственным судьей на острове и что
при нем существовал некий чиновничий аппарат. В тексте утопии мы не
обнаруживаем «чиновничьих» должностей и обязанностей, их поступков
и устремлений, мы находим лишь их моральный облик:

о окружающие его чиновники (государя — Р.К.) не были лукавые чело-
преклонцы, niskие великодумцы, льстивые враги...; а были мужи кроткие,
любомудрые, важные без гордости, справедливые без нужды, взыскатель-
ны без тиранства, преданны без трусости, любящие его без корыстолюбия,
добродетельны без притворства...²

Центральное место в этой утопии отведено проблеме идеального правите-
ля, которая была сверхактуальной для общественной мысли России второй
половины XVIII в. и нашла свое отражение в многочисленных политических
и социальных сочинениях того времени³. Легитимность верховной власти

¹ Там же. С. 127.

² Там же. С. 127–129.

³ Кауркин Р.В., Мартыненко А.В. Образ идеального правителя в христианской и мусульманской традиции Средних веков и Нового времени. // Гуманитарные науки и образование. № 1(9). Саранск. Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, 2012. С. 94–96.

в «Царстве благоденствия» основывалось на системе отношений между правителем и его подданными. Ее целью — реальностью было «всеобщее благоденствие», которое монарх обязан был сохранять и охранять.

Владыка их любил их так, что рачил о спокойствии их как чадолюбивый отец о здравии детей своих; а подданные его находили в нем любезнейшего друга, в друге же видели почтенного отца своего, а в отце почитали обожаемого государя; и так таковое правление сохраняло в острове их Златой век...¹

Государь в утопии обязан был не просто сохранять и охранять общественное благополучие, а «служить примером благочестия всему своему народу»². Добродетель правителю вводилась в обязанность и ценилась выше закона жителями острова. При этом она должна была быть не должностной принадлежностью, а носить искренний, всеобъемлющий характер.

Описывая общественные устои, автор обозначает их общий контур и не вдается в подробную детализацию.

Обычай их был обычай простой, без малейшего предразсудка и странностей; он основан был на спокойствии и свободомыслии, и доброй воле. Человеколюбивое странноприимство их означалось во всех случаях, богопочитание и братолюбие было их первые законы, веропочтенна, кощун веры был изгоняем... тунеядец исключаем бывал из их общества и изгнан был из города. У них то удивительно, что дурно, а не то, что хорошо; ...Пособие ближнему там есть первая должность³.

За лаконичностью данного описания видится широкая панорама благополучного общественного бытия, в которое, вероятно, по мысли автора, читатель мог сам привнести массу всевозможных дополнений и расширить в своем воображении картину идеального общества.

П.Ю. Львов не обошел в своем произведении одну из животрепещущих тем того времени — проблему подрастающего поколения. Автор следующим образом представляет свое идеальное видение данного вопроса:

Юношество кротко, родительское надзирание предохраняет оное от буйства и лености... В случае родительского неправосудия, напрасного гонения детей своих, Государь их, как отец отцов, вступается и разбирает...⁴.

¹ Там же.

² Там же. С. 130.

³ Там же. С. 129–131.

⁴ Там же. С. 130–131.

Данный по-
ского отноше-
дательская и
обязанностью
только на уро

Идеальное
предшествую

Жители ос-
приходило¹. К
предубежден
безчеловечие

Противопо-
ным» народам
замечает: «...
то только, что
чиво говорить

В конце по-
лением был в
с правдолюби

Действие
небольшая за-
тастически-ди-
ские сказки,
гг., 1770 г., I
заключается
мунистическу

Утопия на-
торую автор
которого «во
крокодилы, т
друг другу не

Далее М.Д.
кую обществе
и имуществе
государства в

¹ Там же. С. 13

² Там же. С. 13

³ Там же. С. 13

⁴ Чулков М.Д.

Данный подход остается в целом в рамках тогдашнего просветительского отношения к юношеству: воспитание молодежи — обязанность родительская и общественная. Однако П.Ю. Львов дополняет этот подход обязанностью государя (читай государства) охранять интересы детей не только на уровне общества, но и в семье.

Идеальное общественное устройство вписывается автором, в силу предшествующей традиции, в идеальную природную среду.

Жители острова не вели войн. Употребление оружия им и в голову не приходило¹. Более того — их правитель «весьма дивился европейским предубеждениям, высокомерию, а более всего войнам. Как может такое безчеловечие между просвещенными народами? с ужасом он говорил»².

Противопоставляя «отсталых» островных аборигенов «цивилизованным» народам материка, Львов явно симпатизирует первым и с иронией замечает: «...непросвещенные островитяне, коих мы называем дикими за то только, что они не умеют обольщать лъстивою ласковостью, красноречиво говорить, не знают роскоши и пышно наряжаться»³.

В конце повествования автор отмечает, что его герой с великим сожалением был вынужден покинуть «царство благоденствия» и «разстаться с правдолюбивым народом».

Действительным шедевром утопической мысли предстает перед нами небольшая зарисовка (всего около тридцати страниц) многотомного фантастически-дикий романа М.Д.Чулкова *Пересмешник, или славянские сказки*, которые за 20 лет издавались четыре раза — в 1766–1768 гг., 1770 г., 1783–1784 гг., и в 1789 г. Уникальность данного сочинения заключается в том, что Чулков представляет читателю практически коммунистическую утопию, т.е. общество всеобщего равенства.

Утопия начинается с описания идиллической картины природы, в которую автор органично вписывает жителей Луны и их город, на улицах которого «во всяком месте ходили и лежали ехидны, аспиды, василиски, крокодилы, тигры, львы и леопарды, также скот и дикие птицы, и никто друг другу не вредил»⁴.

Далее М.Д.Чулков рисует «место, где обитают золотые века», т.е. такую общественно-социальную модель, в которой отсутствует социальная и имущественная дифференциация, деньги, налоги, законы и институт государства в целом.

¹ Там же. С. 130.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 131.

⁴ Чулков М.Д. Пересмешник, или славянские сказки. М., 1789. Ч. IV. С. 33.

Его общество «лунных жителей» также можно охарактеризовать как патриархальное:

Престарелый муж в своем поколении владетель и повелитель: все повинуются его приказам и исполняют оные с великим благоговением; по смерти онаго наследует сие достоинства его сын, и повелевает также: и так равенство между нами не искореняется, от чего избегнули мы зависти и злости¹.

Социальное равенство под пером автора вполне логично дополняется равенством имущественным. Как объяснил землянину Кидалу «первый мудрец» лунный Гнамол,

не стараемся мы овладеть чужим, и ничего лишнего при себе не имеем: всякий довольствуется от своих трудов, и не кому не уделяет: ибо кому он даст, тот будет иметь лишнее, чего у нас никогда не бывает... Нужные для нас вещи, которых мы сами сделать не можем, берем у других, отдавая за то свои, которые ему потребны².

Общественным достоянием было не только имущество, но и способности индивида. На Луне «никто не скрывал таланта своего от друга, и за открытие онаго не требовал никакого воздаяния для того, что почитали они все общим между собою»³.

Ввиду отсутствия какого-либо государственного начала, правосудие отправлялось «всем обществом». Наиболее строгим наказанием являлось изгнание из «общества», которое в частности применялось за убийство⁴. «Лунатики» не ведали каких бы то ни было социальных потрясений, так как «выдумывальщики чего-нибудь новаго» были «ненавидимы так, как и преступники»⁵. Не было там и войн.

Во всех вышеперечисленных утопиях мы обнаруживаем две исходные составляющие: во-первых, западноевропейские анналы, на что неоднократно указывали исследователи; во-вторых, русские народные социально-утопические легенды, которые бытовали на Руси с раннего Средневековья.

Все три рассмотренные утопии несут в себе эталонный социальный заряд на личностную и общественную гармонию и свободу, не в пример регламентированному обществу *Утопии* Т.Мора и в противовес мальтузианству. Русские утописты своими произведениями старались сместить

¹ Там же. С. 39–40.

² Там же.

³ Там же. С. 38. Основываясь на этом, В.В.Святловский характеризует утопию Чулкова как коммунистическую. // Святловский В.В. Русский утопический роман. Петроград. 1922. С. 31.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 39.

вектор Екате
целепологани
ных чаяний.

Наиболее
ют перед нам
включала в се
сказки и т.д.

торые, будущи
противополож

Если учить
ствующую эпи

ния утопии и м
проблеме, на н

сознания (мыс
ству. В то врем

гически неясн
простор для фа

рованные логи
не становилис

выражении, не
модели будуще

Таким обра
рактера, в то л

социально-пси
ляется объясн

и практически
задача утопии

па рационализ
Именно ра

русских литера
стояние» мысл

В России XV
мя, что и пород
жизни общест
озного сознани
но-экономичес
ческих институ

¹ Чистов К.В. Ру

² Ирмиер Й., И

С. 358.

вектор Екатерининского Просвещения с рационально-государственного целеполагания правящей дворянской элиты в область народно-социальных чаяний.

Наиболее ярко и рельефно народные многовековые идеалы предстают перед нами в русском эпосе. Эпическая традиция в России XVIII века включала в себя мифы, былины, легенды, предания, исторические песни, сказки и т.д. При этом наиболее архаичными были мифы и былины, которые, будучи первоосновой русского эпоса, представляются нам как его противоположные векторы.

Если учитывать, что все утопические сочинения опирались на предшествующую эпическую традицию — то мы выходим на проблему соотношения утопии и мифа, а точнее — мифа и утопии. Наиболее сложным в данной проблеме, на наш взгляд, является вычленение «пограничного состояния» сознания (мысли) при переходе от мифа — традиции к утопии — новаторству. В то время как мифы, легенды, былины, предания эмоциональны и логически неясны и при огромной внутренней энергии оставляют большой простор для фантазии¹ - то утопическое сочинение — это четко сконструированные логически выверенные построения. Если миф и легенда никогда не становились политической теорией — то утопия, в своем классическом выражении, нередко претендовала на роль государственно-политической модели будущего.

Таким образом, миф и утопия, будучи явлениями одновалентного характера, в то же время представляются порождением разнохарактерных социально-психологических процессов. Если основной функцией мифа является объяснение мироустройства, а сам он представлял теоретический и практический способ иррационального освоения действительности² - то задача утопии включает в себя конструирование бытия, исходя из принципа рационализма.

Именно рационализм, на наш взгляд, был первопричиной появления русских литературных утопий, и именно он являет собой «пограничное состояние» мысли в ее отходе от мифа — традиции к утопии — новаторству.

В России XVIII в. столкнулись две эпохи — Средневековье и Новое время, что и породило многие удивительные явления социальной и духовной жизни общества, коими изобилует это столетие. Секуляризация религиозного сознания, обмирщение культуры, становление новых общественно-экономических отношений, появление новых государственно-политических институтов, формирование новых критериев самосознания (через

¹ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. С.331.

² Ирмишер Й., Йоне Р. Словарь античности. Пер. с нем. Отв. ред. Кузищин В.И. М., 1989. С. 358.

переоценку «самовластия»¹ — все это оказывало сильнейшее воздействие на психологию людей того времени.

Изменение исторических условий жизни вызвало сдвиги в социальной психологии и привело к смене умонастроений как целых социальных групп, так и отдельного человека. Оно же повлияло на изменение соотношения эмоциональных и рациональных элементов умонастроений, на характер чувственных компонентов и комплексов.

В отличие от средневекового теоцентризма мышление Нового времени начинает обращаться к разуму как форме отражения реальности, проникать в закономерности природы, аккумулировать идеи. Научные знания, включенные в систему принципов и взглядов, убеждений и ценностей начинают служить целям ориентации человека в окружающем мире, что приводит, в свою очередь, к появлению не только активно действующих социальных групп, но и лидеров обладающих способностью к познанию и участию в преобразовании социального бытия². Происходит отход от ожидания обретения Царствия Божьего на земле к самоорганизации социума через ориентацию на идею «всеобщего блага», в той или иной ее социальной и временной интерпретации.

Петровские идеологи абсолютизма основу своих построений выводили из имперского Рима³. Сторонникам Просвещенного абсолютизма времен Екатерины II были близки идеалы Древней Греции⁴. И тот и другой подходы, несмотря на своеобразие и нюансы времени, опирались на определенные, образные мифологические стереотипы. Примерами постоянного диалога мифа и утопии может служить эллинистический нарратив и русская литературная утопия XVIII века⁵.

Исследуя феноменологию мифа, многие ученые⁶ отмечают тот факт, что мифу, в силу того, что он является определенной концепцией бытия

¹ См.: Черная Л.А. Проблема человеческой личности в русской общественной мысли второй пол. XVII — нач. XVIII века. Дис. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. М., 1981.

² Смольянинова Т.Е. Петр I как выдающийся деятель эпохи Просвещения и его концепция европеизации России в русле западных ценностей. // Петербург в историческом сознании. Материалы Всероссийской научной конференции 24–25 апреля 2003 г. Санкт-Петербург. СПб., 2003. С. 12.

³ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра I. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 242–243.

⁴ См., напр.: Живов В.М., Успенский Б.А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры. XVII–XVIII века. // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996. С. 449 — 525.

⁵ Кауркин Р.В., Хазина А.В. Утопический нарратив эллинизма и русская литературная утопия XVIII в.: в диалоге с мифом. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. № 2. Самара. 2010. С. 26–35.

⁶ См., напр.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980.; Лосев А.Ф. Диалектика мифа. // Философия. Мифология. Культура. М., 1991; Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.

и мироощущен
дает прошедш
помянутое о п

В отличие
В.Я.Пропп, го
прошлого, а т
ражает не соб
нию исследов
ют вековые ид
историю как б
ческую волю,

Пользуясь
именно были
рода через фи
цессе становл
«поле истори

К подобны
линный эпос.
тод историче
историческог
ность и истор
как на субъек
ческого твор
самодеятель

Исходя и
кнутая систе
реалий, а н
Именно он и
пий М.Д.Чу.
трансформир
транслирова
свойства —
транслирова

¹ Пропп В.Я.

² Там же. С. 1.

³ Pirrotte J.-
1982. P. 89.

⁴ Фроянов И.
С. 454–456.

и мироощущения, свойственны стереотипность и замкнутость. Миф передает прошедшую реальность в ее законченной действительности. Это воспоминание о прошлом в четко фиксированной форме.

В отличие от мифа былина представляет собой открытую структуру. В.Я.Пропп, говоря о былинах, отмечал, что эпос живуч не воспоминаниями прошлого, а тем, что он отражает идеалы, которые лежат в будущем. Он отражает не события той или иной эпохи, а ее стремления¹. Былины, по мнению исследователя, отражают не единичные события истории, а выражают вековые идеалы народа, который как носитель былин, не воспроизводит историю как бесстрастный регистратор, а представляет в них свою историческую волю, свои вековые стремления и идеалы, лежащие впереди².

Пользуясь терминологией Ж.Пиррота, мы сможем констатировать, что именно былины несли в себе многовековой социальный опыт русского народа через фиксацию «точек наибольшей концентрации активности» в процессе становления и развития народа, нации. Именно они отражали в себе «поле исторически значимых действий»³.

К подобным же выводам приходит и И.Я.Фроянов, изучая русский былинный эпос. Он пишет, что былина представляет собой своеобразный метод исторического познания и обобщения, является способом осмысления исторического процесса в целом, воплощает потенции, целеустремленность и исторические идеалы целого народа. Народ в них смотрит на себя как на субъект истории, ее творца, имеющего не только силы для исторического творчества, но и неотъемлемое право на проявление исторической самостоятельности⁴.

Исходя из этого, мы можем утверждать, что былина — это не замкнутая система, включающая в себя тот или иной набор исторических реалий, а некий культурно-смысловой код, устремленный в будущее. Именно он и послужил основой для литературных «патриархальных» утопий М.Д.Чулкова, В.А.Левшина, П.Ю.Львова и им подобным, которые, трансформировав его, исходя из личных представлений идеального бытия, транслировали его будущим поколениям, сохранив при этом его основные свойства — открытость и незавершенность. Дабы потомки могли далее транслировать его во времени, дополняя и совершенствуя.

¹ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 2006. С. 64.

² Там же. С. 25–26.

³ Pirrotte J.-P. Stereotypes nationaux et préjugés raciaux aux XIX et XX-e siècle. Louvain, 1982. P. 89.

⁴ Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история (Работы разных лет). СПб., 1997. С. 454–456.